Б.В. Шмелев

ПРАЖСКАЯ ОСЕНЬ
Лирические записки десантника[1]

Памяти моего отца В.А. Шмелева

Эшелон с демобилизованными москвичами из 7-й воздушно-десантной дивизии прибыл на Белорусский вокзал в ночь на 5 декабря 69-го. Мы высыпали на перрон и в ожидании раздачи военных билетов растерянно курили, еще не осознав, что через какие-то минуты окажемся совершенно свободными от чьих-то приказов и команд.

Женька Давыдов, дружок мой, пробившись сквозь толпу, бросился ко мне на шею и почти провизжал: «Борька! Мы дома!!!»

Я получил, наконец, билет и вместе с Женькой и кем-то еще поспешил к выходу в город. Мы вывалили на привокзальную площадь, потом на пустынную в этот час улицу Горького и двинулись прямо по проезжей части к Кремлю. Нас неожиданно оказалось довольно много – с полтысячи. Холод не ощущался. Радость возвращения переполняла нас и, естественно, требовала какого-то выхода. Зазвенели откуда-то взявшиеся гитары, нестройно и вразнобой зазвучали дембельские самодельные песни…

Где-то между Моссоветом и Центральным телеграфом навстречу нашей толпе, но, правда, по тротуару, вышел маявшийся бессонницей ветеран с клюкой, в зимнем пальто и военно-морской фуражке. Узнав в нас по расхристанным шинелям дембелей, он по-военному вытянулся и вполне еще бодрым командирским голосом выкрикнул:

- Чего орете?!

«Маргеловские головорезы», как нас называли и кем мы себя, действительно, ощущали, с ответом не замедлили.

- Молчи, отец! Я Прагу брал! – раздался в нашей толпе чей-то идиотски-веселый возглас.

- Ну и м…к! – резюмировал ветеран и медленно удалился во тьму тверских подворотен.

И это была наиболее честная оценка нашей «работы», которую довелось мне услышать во все последующие годы…

* * *

Боевую тревогу в нашем 1141-м гвардейском артиллерийском полку 7-й воздушно-десантной дивизии[2], стоявшем в литовском городке Калвария,

ждали чуть ли не пять месяцев. Из политинформаций и политзанятий для многих все более ясной становилась и намечавшаяся для нас цель: Чехословакия. Правда, все звучало невнятно, обтекаемо и неуверенно. О боевых действиях вообще речи не было. Лишь высказано было несколько раз предположение, что, дескать, возможно, нам предстоит участвовать в учениях на территории «братской социалистической» Чехословакии.

Я, старший вычислитель 1-й гаубичной батарей 1-го дивизиона ефрейтор Шмелев, понимал и предчувствовал не больше других, а, точнее, то же, что и другие солдаты. Не скажу об офицерах, а солдатам, в массе призванным из Белоруссии и Воронежской области, было просто интересно побывать за границей, тем более, что эта возможность подавляющему большинству из нас могла никогда и не представиться.

Когда я пришел без всякой повестки в военкомат и попросился в десант, во мне пело анчаровское:

«Парашюты рванули и приняли вес,
Земля колыхнулась едва,
А внизу дивизии «Эдельвейс»
И «Мертвая голова»…»

Но теперь-то романтика повыветрилась, и меня с головой засосала отупляющая рутина воинской службы, а вокруг - «мир во всем мире», кроме каких-то локальных конфликтов, развязанных империалистами, в далеком Вьетнаме, на Ближнем Востоке и где-то там еще… Какая тут после нашей Победы 45-го война может быть???

Год же приближался к лету, и обстановка в нашей дивизии, отчего – непонятно, но становилась все нервознее. Все чаще в полку объявлялась повышенная боеготовность. Для нас это значило спать в гимнастерках и с автоматами под подушкой…

Странная подготовка к «учениям» между тем шла все активней и стала настораживать уже многих. Что это за учения, когда призывают запасников и доводят штат частей до полного состава?! Правда, некоторым из запасников было уже под сорок, и командир батареи старший лейтенант Голощапов, Евгений Петрович, мужик статный, где-то суровый, но любитель поиграть на тромбоне, вздыхая, говорил одному из них: «Вы, Сакалас, помните, наверное, когда гаубицы стреляли ядрами?!» Все смеялись. Смеялся и я, переполненный молодостью, глупым отптимизмом и здоровьем…

Наступило лето, занятия по боевой подготовке становились все напряженнее, и это начинало уже надоедать…

Вдруг увезли из полка боевое и наградные знамена. Почетный пост номер 1 стал выглядеть как-то по-идиотски: часовой с автоматом охраняет пустой постамент. А значило это многое: знамя полка в десанте увозится в штаб вышестоящего соединения перед боем, знамя части – это святыня, которую следует сохранить в любых обстоятельствах. Десант же, между тем, это…

Что такое десант, разъяснил нам однажды сам командующий воздушно-десантными войсками генерал армии Маргелов.[3] Было это уже после

Праги, летом 69-го, когда на учениях самолет нашей дивизии столкнулся в воздухе с гражданским Ил-14, и рота десантников со штабом батальона, человек 60, как и два десятка пассажиров Ил-14, погибла. Тогда в десанте начались отказы от прыжков, гауптвахта особого впечатления ни на кого не производила, и Маргелов лично объезжал полки и по-отечески беседовал с десантниками. «Что такое десант, сынки? Это – гондон. То есть вещь одноразового пользования. Ваша задача - высадиться в тыл противника и, отвлекая его силы, сражаться до конца, обеспечивая наступление наших армий…»

Маргелов звал нас «сынки», и мы его обожали. Сердца наши переполнялись гордостью и мужеством: вот мы какие, герои-смертники, мать вашу…

* * *

«Вряд ли домой вернемся…» Так вот «маргеловские головорезы» расшифровывали сокращенное название своего вида войск - ВДВ.

* * *

Первым поднялся по тревоге самоходный дивизион, квартировавший в соседнем с нашей полковой казармой здании. Выехал, проревев на прощанье всеми дизелями своих самоходок, и исчез в глубине хвойных прибалтийских лесов…

Три дивизиона полка – реактивный, гаубичный и пушечный – ожидали тревоги со дня на день. И все-таки она грянула неожиданно…

* * *

Я шел по коридору штаба полка и чертыхался. Еще бы: батарея заступает в караул, и это означает бессонную ночь и грязь караулки перед точно такими же, как были сегодня, изнурительными занятиями по боевой подготовке, а тут еще комбат заставил писать расписание занятий батареи на следующую неделю! И все благодаря моему хорошему почерку и относительной, по сравнению с другими батарейцами, грамотностью. Это делало предстоящие мне сутки совсем беспросветными, не в мировом масштабе, конечно, но что мне было до мира… Но ему-то, как оказалось, было и до меня…

Негромко и, кажется, недлинно, прозвучала сирена. Я не испугался, но сердце дрогнуло от смутно-радостного предчувствия. Заглянув в комнату строевой части, увидел перекошенное каким-то безумным весельем лицо писаря. «Боевая!» - шепнул он мне…

Я поспешил на второй этаж, где располагалась наша батарея, еще раз прослушал только дошедший сюда сигнал боевой тревоги и побежал за комбатом в дома офицерского состава, стоящие неподалеку. Так мне было положено по штату.

В офицерских домах все уже все знали, и они тоже напоминали растревоженные ульи. Комбат, смущенный тем, что я увидел заплаканные глаза его жены, отвел протянутые мною планшет, полевую сумку и пистолет.

- Отдадите все это мне в батарее, Шмелев.

Нарочито небрежный тон и это самое «вы», очень редкое в обращении к нам офицеров, выдали его то ли растерянность, то ли еще что-то. Но я не уловил за этим ничего, кроме обычной лени наших офицеров.

И, груженный чужим имуществом, потащился собирать себя.

* * *

Ох, и тревога же это была!

Сначала, как и обычно при тревогах, все бегали, хватая автоматы, подсумки, штык-ножи, противогазы, рюкзаки и все остальное. Потом водителям следовало бежать в парк и выгонять машины под погрузку снарядов и парашютов, подцеплять орудия, а специальным командам от отделений и взводов - производить погрузку…

Но тут пришел комбат.

- Отставить, … вашу три дивизии мать! - весело крикнул он, - Всем переодеться в новые комплекты обмундирования, сверху надеть комбинезоны, потом взять свое имущество и и д т и грузить кому что положено!

И все разом успокоились. Только сейчас до нас стало доходить: тревога-то б о е в а я, а, значит, нигде не стоят проверяющие с секундомерами, засекая выполнение нормативов.

И, впервые почти не спеша, полк собирался по тревоге. Три часа было дано ему на то, чтобы собраться, погрузиться, выгнать на плац и выровнять груженый транспорт и выстроиться самому.

Я давно погрузил в стоящий на плацу ГАЗ-66 свое нехитрое имущество: ПУО-9 (Прибор управления огнем), а проще - алюминиевый планшет с угломерным узлом и линейкой для нанесения на него основных ориентиров карты местности, целей стрельбы, наблюдательных пунктов и огневых позиций для последующего расчета данных наведения орудий на цель, а также и все необходимое для работы с прибором - кургузый раскладной деревянный столик и подсветку с аккумуляторами для работы ночью. Автомат, штык-нож, противогаз, подсумок с магазинами, полевая сумка и рюкзак были на мне.

Сходив еще раза три в казарму за забытой зубной пастой, щеткой и еще кое-какой мелочью, я, в конце концов, нарвался на командира дивизиона майора Дряпико (коренастый и крепкий такой мужичок, суровый, но артиллерист от Бога) и тот своим хрипловатым басом послал меня к нему на квартиру за теплой курткой. Там я вторично понаблюдал за слезами офицерских жен, которые все усиливались и переходили, кажется, уже в подвывания, и, возвращаясь назад, окончательно уверился, что предстоящее нам вряд ли можно назвать туристической «поездкой за границу».

А полк уже построился. Командир полка подполковник Красный,

подвижный и кучерявый, с умными живыми глазами (один из немногих евреев-начальников, служивших в ВДВ), замполит полка (фамилию не помню) и прочие замы стояли перед полком и о чем-то перешептывались. Вероятно, о том, какую часть информации, полученной сверху и, по мере приближения к низшим войсковым единицам, все более урезаемой, следует донести до нас, довершив урезание ее до чего-нибудь маловразумительного, но многозначительного…

И сказаны нам были слова… О том, что полку предстоит совершить ночной марш в район сосредоточения, что в последующее за маршем б л и ж а й ш е е время мы погрузимся в самолеты, что летим в Чехословакию, где и будем некоторое время п р и с у т с т в о в а т ь. А еще было сказано, что там, в «братской социалистической» Чехословакии, возможно, будут «некоторые группы лиц, недовольных нашим присутствием», и потому нам следует быть готовыми к проявлению стойкости и мужества и (вероятно, для этого самого) на аэродроме перед вылетом нам будут выданы боевые патроны и гранаты.

* * *

Услышав про боевые патроны и гранаты, мы почувствовали себя совершенно готовыми к проявлению стойкости и мужества. Каждый знал: дивизия наша в 56-м первой забрасывалась в Будапешт, а кто-то в правительстве, умный очень, решил тогда, что одного вида наших десантников и танков будет достаточно, чтобы «защитить социализм» в Венгрии, и раздали только холостые патроны. И за первые дни, пока не снабдили боевыми, части потеряли чуть не до трети состава. На этот счет по полкам гуляли мрачные рассказы сверхсрочников, служивших в дивизии в том далеком 56-м, когда я только закончил 1-й класс.

* * *

Приказ, хоть и невнятный, отдан и, стало быть, надо ехать. Мы и поехали.

Колонна полка растянулась на три километра, покатила мимо родной Калварии, свернула на проселок и подняла пыль неимоверную, и запорошила глаза всем литовским аистам (птицы невиданной красы; «Боги Литвы» – так звали их солдаты), а также, надо думать, и всевозможным шпионам, ибо в мире по-прежнему было тихо, несмотря на то, что переброска войск к границе с Польшей и Чехословакией уже шла полным ходом.

Так и въехал полк в тихий вечер 29 июля 68-го, а там и в короткую июльскую ночь.

Колонна двигалась еле-еле, отчасти из-за пыли, отчасти из-за плохого света фар, едва-едва пробивавшегося сквозь щели светомаскировки. Времени хватало для того, чтобы спрыгнуть с машины, справить нужду и, не очень торопясь, нагнать ее. Кузова ГАЗ-66 были на две трети наполнены трясущимися ящиками со снарядами, а уж на оставшемся пространстве между

ящиками и тентом тряслись мы, солдаты. Одно хорошо: количество машин позволяло расположиться по пять-шесть человек на кузов. Я ехал со своим приятелем и командиром отделения связи Славкой Кривоноговым, да еще с двумя радистами: Сашей Коробицыным и Витей Сидельниковым. Курили, болтали, разминали отбитые о ребра ящиков тела спрыгиванием на дорогу и запрыгиванием обратно в кузов, пока не услышали вопль комбата: «Я вам попрыгаю!».

На исходе ночи тихонько, будто крадучись, въехали в чистенькие, аккуратные улочки Паневежиса. Обрамленные ухоженными газончиками, заставленные ровненькими, будто игрушечными, домами, они излучали какое-то неземное, потустороннее спокойствие. На нас же, взбудораженных тревогой, бессонной ночью и неизвестностью предстоящего, городок этот произвел впечатление убийственное. И кто-то, не выдержав, выкрикнул, будто проревел, в застывшую предрассветную тишину:

- Спите, … вашу мать?! А мы - на войну едем!

* * *

Война, однако, откладывалась. С рассветом остатки полка, ибо реактивный и 2-й пушечный дивизионы отделились еще ночью и разъехались по своим районам сосредоточения, въехали на основательно заросшую лесную просеку, находящуюся поблизости от военного аэродрома.

Прошел в неизвестности день, потом другой, затем третий…

Ночевки под тентами автомобилей сменились ночевками под ненадежными навесиками из солдатских плащ-палаток, потом – в шатровых армейских палатках, где были матрацы (нам раздали одни чехлы, которые мы набили сеном) и одеяла. Прибыли полевые кухни, и вместо надоевших сухпайков (пакетики с супом, банка тушенки, банка гречневой каши с тушенкой, банка пшенной каши с тушенкой, пачка сухарей, несколько маленьких упаковок из двух кусков сахара, как в поездах, иногда – маленькая 100-грамовая баночка сгущенного какао с сахаром или плитка шоколада) появилась горячая пища: супы и каша с мясом. Просека приняла вид военного лагеря с часовыми, дневальными и прочими уставными атрибутами армии. Приступили к занятиям… Радужные мечты о «загранице» растворялись в сырой и кишащей злыми комарами яви литовского леса.

Никто ничего не знал, и оттого рождалось множество слухов. «Солдатский телеграф» едва успевал рассылать их по подразделениям. То говорили об отмене приказа и скором возвращении в казармы, то о скором-скором вылете, то вообще черте о чем… Становилось скучно. Письма приходили редко и также редко их забирали у нас. Писать разрешалось лишь то, что положено, а именно: мы в Калварии и все у нас хорошо. А что было и писать-то? Разве что подражать Полухину, наводчику 2-го орудия, который написал: «Здравствуй, мама. Все нормально. Уже три недели живем в лесу. Ну и что?! Медведь всю жизнь там живет и только лапу сосет!»

Офицеры ловили ужей и подносили их в кульках под видом конфет

друг другу. Ужи шипели, угощаемые вопили, все смеялись…

Все приедается, даже скука, и как-то быстро от всеобщей успокоенности мы перешли к зудящей нервозности: когда же и чем все это закончится?! Кто-то стал прятаться от надоевших и превратившихся в формальность занятий в лес, кто-то уходил в дикий малинник за ягодами, кто-то, совсем осмелев, обследовал довольно далекие окрестности на предмет хуторов с женщинами и самогоном.

* * *

Топографический взвод выстроил на полянке веселый игрушечный городок из чурбачков. С башенками, замками, дворцами. Змеилась по городку речка с мостиками. Я, прогуливаясь мимо, приостановился, вгляделся и вдруг замер, озаренный догадкой: вкатываешься, вкатываешься-таки ты, Боря, в Историю вместе со своей дивизией!

Ибо такие городки для пристрелочных занятий артиллерийских офицеров не строятся перед высадкой в уездные Васюки или деревню Чмаровку. Нет! Макет града великого, стольного предстал предо мной. Не одну тысячу снарядов истратишь, прежде чем возьмешь его… И екнуло сердце: Прага!

И на построении полка: Прага!

И замполит на заседании бюро ВЛКСМ: Прага!

И еще удивительнее: придется стрелять, ибо есть в «братской социалистической» Чехословакии группа «отщепенцев-контрреволюционеров», желающих реставрировать капитализм, и государство наше, «первое в мире социалистическое и оплот мирового социализма», не может им этого позволить!

А потом - самое невероятное: возможно, придется стрелять в безоружных людей и разгонять демонстрации! Так вот, до всех сомневающихся следует довести мысль простую и ясную, как параграф устава, что все это — контра, враги социализма и Советской власти, а потому сомнений «стрелять – не стрелять» никаких быть не может. Командование отдало приказ: КАЖДЫЙ СОЛДАТ РЕШЕНИЕ НА ОТКРЫТИЕ ОГНЯ ПРИНИМАЕТ САМ, НЕ ДОЖИДАЯСЬ ПРИКАЗА СВОЕГО КОМАНДИРА. А нам, артиллеристам, особый: НА КАЖДЫЙ ВЫСТРЕЛ ОТВЕЧАТЬ СНАРЯДОМ!

Вечером, на построении полка - то же самое. Да еще - подробности: орудия для погрузки в самолеты отправляются тотчас, старшины получают патроны, гранаты и ракеты (сигнальные) и раздают личному составу, потом все ложатся спать до часа ночи, в час – посадка в вернувшиеся с погрузки автомашины и - на аэродром.

На брата досталось по 255 штук автоматных патронов, треть – трассирующие – для ночных перестрелок, остальные – обычные. Да еще по две гранаты-лимонки Ф-1. Отделениям разведки - еще и по противотанковой гранате. Все позасовывали в сумки из-под противогазов, а их – к черту: какие там газы!

Перед отбоем, уже у палатки, подошел ко мне наш водитель Леша

Мельник, призванный откуда-то из-под Одессы, и, немного смущаясь, протянул бумажку.

- Вот, Борь, адрес моих… Если что – напишешь.

Парень собрался воевать всерьез…

* * *

Кто-то - воевать, а я вот собрался пойти в сортир на дорожку. Таковой действительно оборудовали перед самым вылетом, когда весь окружающий лес был основательно загажен и смысла что-нибудь сооружать, естественно, уже не было никакого. Да, видно, вляпался в одну из «мин» командир полка или замполит, и приказ был отдан. Вырыли продолговатую ямку на два места, снабдили двумя парами жердочек, в качестве, надо думать, дополнительного тренажера по физподготовке, огородили с одной стороны метровым тыном. Готово! Вот к этому полковому сортиру я и побрел. И выбрал же момент…

На нем уже, эдаким упитанным орлом, восседал майор Мацияускас, начальник штаба нашего дивизона и мой непосредственный начальник. Он немо воззрился на меня, я – на него. Присаживаться рядом не хотелось, но надо было чем-то оправдывать свое появление и я скромно расстегнул ширинку… Майор, видимо, посчитав, что продолжать действо в молчании не по-товарищески, вопросил вдруг со своего места:

- Ну как, Шмелев, не ссышь перед вылетом?

И я, как положено, по-молодецки ответил:

- Никак нет, товарищ майор!

Хотя занимался именно этим…

* * *

Аэродром встретил нас мелким, почти осенним дождичком - для доброго пути - да блестевшим в свете прожекторов бетоном взлетных полос. Лениво крутились пропеллеры пузатых серых Ан-12. Десятка два скучилось их на маленьком летном поле. Поспрыгивали мы, посчитались, загнали машины в чрева самолетов, пришвартовали (закрепили в фюзеляжах на тросах-растяжках), еще раз посчитались и, наконец, залезли сами.

Размещались в гермокабинах - отсеках, находящихся непосредственно за кабиной пилотов. В них было тепло и нормальное атмосферное давление. В фюзеляжах же военно-транспортных Ан-12, где перевозились гаубицы и грузовики, воздух был разреженный, гулял ветерок, да и температура немногим отличалась от температуры за бортом.

Расселись, устроились, затомились в ожидании… Вылетели в 4.00 по московскому времени. Прощай, Родина! Прощай, Литва! Прощай, аэродром под Паневежисом…

* * *

Летели, молчали, думали… Я думал о том, что надо бы вспоминать Москву, родителей, девушку, которую любил (из ее рук я впервые взял номер журнала «Юность» с повестью Михаила Анчарова «Теория невероятности», прочел залпом и, бросив 1-й курс Геолого-разведочного института, пошел добровольно в армию – в ВДВ). Так заведено вроде бы… Вторя мне, кто-то вздохнул: «А мама думает, что я отдыхаю!» Шутка не получилась. Мысли у всех были об одном: что ждет нас в Праге?

То, что ждало нас после приземления, казалось туманным, но горячее воображение заводило нас далеко, чуть не до бреда: жалкая кучка какой-то контры, которую мы быстренько громим (непонятно, правда, как)… Восторг чехов и словаков… Цветы, летящие под гусеницы наших танков и самоходок, как в 45-м… И все – домой с победой!!!

За стеклом иллюминатора - тьма ночи и редкие огоньки польских городков… Европа спит, а мы – к ней в гости.

Истекал второй час полета. Кто-то сказал, что нас сопровождают истребители. Хотелось верить, ибо всем было понятно, какую лакомую цель представляют тяжело груженные транспортные самолеты для сколь-нибудь серьезной системы ПВО…

А еще перед вылетом объявили, что первым летит самолет с разведротой дивизии. Они летят с надетыми парашютами и, если начальство центрального пражского аэропорта Рузине не расчистит взлетно-посадочную полосу для якобы терпящего бедствие самолета, будут десантироваться парашютным способом и, так или иначе, захватят аэропорт и обеспечат посадку всем остальным самолетам дивизии.

В самолете этом, передавал «солдатский телеграф», летит сам Маргелов… Но передавал как-то неуверенно. Действительно, зачем ему там лететь?

Из кабины пилотов вышли свободные члены экипажа и принялись набивать патронами запасные обоймы для своих пистолетов. Набивали, поглядывая на нас непонятно. Закончив, сказали:

- Скоро посадка. Не позавидуешь вам, ребята. Счастливо!

Мы стали ощупывать свои автоматы, кажется, впервые ощущая их как боевое оружие. Только сейчас почему-то подумалось: а вдруг из самолета – да прямо в бой?! С кем же?!

* * *

И засверкало под крылом кренящегося в посадочном развороте Ан-12 великолепное многоцветье огней стольного города Праги, и пошло снижение, и кинулись мы освобождать от пут орудие и машину. Но что это? Кончилось снижение, и самолет вновь плавно набирает высоту на развороте… В голове мысль: «Неужели назад?» А дело оказалось в том, что просто не попали на посадочную полосу, - аэродром-то незнакомый - и теперь заходим на второй круг. Снижение, касание полосы, замедление бега самолета.

Распахиваются створки хвостового люка-ворот, выкатывается машина с прицепленной гаубицей, чуть не кубарем скатываемся мы… Прага!

* * *

Ан-12 укатил, выруливая на старт, чтобы лететь за следующей партией защитников социализма, а сапог мой прочно стал на бетон, под которым покоилась земля Чехии. Собрался я подумать что-нибудь соответствующее этому историческому моменту, да вспомнил, что надо оглядеться: не стреляют ли? А на меня уже катится другой самолет, а за ним - еще. И струи воздуха от работающих двигателей сбивают с ног, и дышать нечем от переработанного топлива, и гул в ушах от работы моторов, моторов, моторов… Мой Голощапов, перекрывая их рев, вопит: «По машинам!» - и машет руками. Ветер сдувает с него фуражку, и она весело катится под крыльями самолетов, передаваемая по эстафете от одной струи воздуха к другой.

- Шмелев! – вопит он истошно, не оглядываясь. - Догнать фуражку!

И я, забыв обо всем, кидаюсь ей вслед: война подождет!

Почти задохнувшись от угара, пробежав добрых метров пятьсот, я, наконец, догоняю злополучную фуражку, хватаю ее, выбираюсь на обочину полосы и вздыхаю полной грудью. Теперь можно и оглядеться, тем более светает уже…

Стрельбы не слышно, высадка идет полным ходом, а на парапете площадки перед зданием аэропорта прогуливается наш десантник. Рукава засучены, автомат наперевес - разведрота. Значит, все в порядке: аэропорт в наших руках.

Я побрел назад - туда, где оставил комбата. А его и машины с гаубицей уж и след простыл! Остановился в замешательстве, а мимо катит самоходка из дивизиона, пропавшего в литовских лесах прежде нашего полка. А на броне – мой приятель-москвич Женька Давыдов. Машет мне автоматом радостно:

- Борька! Мы – в Прагу!

- Мы – тоже! – кричу я вслед, а сам думаю: а как?

Но все разрешается тут же. Очередная машина оказывается с гаубицей последнего расчета нашей батареи, я запрыгиваю на лафет, и мы едем…

* * *

А на всем пространстве громадного аэропорта и в светлеющем куполе неба над ним вершилось действо воистину небывалое! Кружили, взлетали, садились, катили по рулежным дорожкам десятки самолетов. Некоторые из них не попадали на бетон взлетно-посадочных полос, и их несло юзом, разворачивая поперек. К ним спешили тягачи и оттаскивали их в сторону, освобождая полосу следующим… А меж ними и повсюду двигалась боевая техника: самоходные установки, танки, артиллерийские орудия, транспортные машины с боеприпасами и солдатами, и еще зелень, зелень, зелень всевоз-

можных приспособлений и устройств для предания огню и мечу всего и вся. То тут, то там возникали заторы: колонны упирались в тупики или попросту лбами и долго пятились, обдавая друг друга темно-сизыми облаками выхлопов, и, наконец, разъезжались, прибавляя еще больше сумятицы в далекое от слаженности действо вторжения. А над ними и выше кружащихся транспортников проносились сверхзвуковые ракетоносцы, своим жутким ревом вдавливая в землю все живое…

* * *

Недалеко отъехала наша 1-я батарея. Тут же, на территории аэропорта, чуть в стороне от взлетно-посадочных полос, на зеленой травке встали, нацелив длинные стволы на курящийся рассветным туманом пражский холм, четыре наших красавицы гаубицы Д-30. Там же - километр влево, километр вправо - расположились 2-я и 3-я батареи. Задача простая: обеспечить беспрепятственное вхождение войск в Прагу. Поступит приказ комбата, укатившего вместе с разведчиками и частью связистов в город занимать НП (наблюдательный пункт), и понесутся наши осколочно-фугасные, обгоняя колонны войск… Забегали огневики у орудий, связисты развернули антенны раций, завозился у буссоли[4] старший офицер батареи старлей Позябкин, знающий и думающий офицер, где-то интеллектуал (сужу по тому, что он легко овладел литовским языком и «заиграл» мою «Теорию невероятности»). Я развернул планшет и, принимая от радистов цифры координат, нанес на него первые ориентиры Праги. Пошла боевая работа.

Уже привычный армейский бардак сразу же напомнил о себе: оказалось, что все четыре батарейных грузовика набиты только противотанковыми кумулятивными снарядами! А где те танки?! Людей надо убивать, людей! И завопил старший офицер Позябкин, завопили, вторя ему, связисты, а в ответ – такие же вопли начальства: где мы вам найдем сейчас машины боепитания?!

Поорали всего-то с полчаса, и нашлись машины боепитания, нашлись осколочно-фугасные снаряды. Разгрузили нужные, загрузили ненужные - все, можно стрелять!

Ан нет, нельзя стрелять. «Не бьет», то есть не сходятся рассчитанные мною данные для стрельбы с данными штаба дивизиона. Не может стрелять 1-я батарея. А радисты, добрые ребята, меня успокаивают: и у 2-й батареи не сходится, и у 3-ей! А в рации визг начальника штаба Мацияускаса: «Вычислители, бегом ко мне!»

Мне бежать до штаба километр, и вычислителю 2-й - тоже, а вычислителю 3-ей – два. Но прибежали. Стали строем перед Мацияускасом. За ним ухмыляется Славка Беликов – старший вычислитель дивизиона. Это у него «не бьет» с нами. Или у нас с ним. Но он главнее, а, стало быть, прав он. А Мацияускас навис над нами всей своей двухметровой махиной и доходчиво, потрясая пудовым кулаком, разъяснил:

- Прекратить мандраж! Что, думаете, на войну приехали?! Я вам по-

кажу войну! Если у кого-то через пятнадцать минут данные не сойдутся, я лично набью тому морду! Кругом марш!

И разошлись мы по батареям, успокоенные. И все у всех сошлось…

Пошли по радиостанциям для меня координаты целей, которые моей батарее предстояло, так сказать, «обслуживать». До чего же интересные это были цели! Не знаю, как другим вычислителям, из дремучей провинции, а мне, москвичу, стало страх как любопытно. И ассоциации возникали какие-то уж и вовсе дикие… Наношу я на планшет цель «ЦК», а перед глазами встает строгий комплекс зданий на Старой площади. Ставлю точку «Госбезопасность», а в воображении - «железный Феликс» на Лубянке. «Телебашня» – новенькая стрела в Останкино. «Посольство СССР»… Вот те раз! Это что же - бей своих?!…

* * *

Список целей 1-й батареи у меня сохранился. И совсем не чудом.

Прага. 21.VIII.1968 г.[5]

№ п/п	Наименование цели	X Цели	У цели	H Цели	Прицел
1.	Кар.батальон 1-ой бригады обслужив.	63340	56460		
2.	Институтский городок	53000	56720		
3.	Посольство СССР	52680	58300		
4.	Посольство КНР	52520	57740		
5.	Министерство нац. Обороны	52320	57160		
6.	Генштаб	52280	56700	220	
7.	Военно-политическая академия	51700	57260	240	
8.	1 бригада обслуж. и б-он обслуживан.	52040	56800	220	
9.	Кремль	51300	57300	260	
10.	Посольство США	50600	57460		
11.	Телебашня	50360	56940		
12.	Штаб 7-й армии ПВО и 7-й б-он обслуж.	49940	57600	195	
13.	Студенческий городок	50800	55740		
14.	Мат.-тех. база ВВС	51000	50900		
15.	КП 51 зен.-рак. Бригады (подземн.)	47700	53700		
16.	Штаб 71-й зен.-рак. бриг.	50660	50760		
17.	Зап. КП 71-й зен.-рак. бриг.	50460	53140		
18.	7-й отд. п. Связи 7-й армии ПВО	50760	56200		

19.	Узел связи Генштаба, 59-й полк связи	50600	56300		
20.	Подразд. Авиаобслуж. 50-й авиаполк связи, 8-й б-он БАО	55260	66860		
21.	16-й и 47-й б-он рак.-тех.обсл., 7-й б-он обсл.	55260	66860		
22.	Радиопередатчик Геншт.	55680	53500		
23.	Военная радиостанция	54400	54440		
34.	Склад АВ	54740	56200		
40.	Госбезопасность МНО	52420	56220		
41.	МВД	52200	58740		
42.	Дом правительства	51360	58080	195	
43.	КП ПВО (подземный)	49060	56600		
50.	ЦК КПЧ	51500	59660		
51.	38-й караульный б-он	51080	59300		
52.	Горком	50800	58520		
53.	Горсовет	50700	58960		
54.	Телецентр	50780	59240		
55.	Университет	55520	58580		
56.	Национальное собрание	50660	59380		
57.	Редакция «Млада фронта»	50580	59040		
58.	Дом писателя	50420	58280		
59.	Редакция «Прага»	50420	58860		
60.	Главпочтамт	50400	59200		
61.	Центральный вокзал	50400	59740		
62.	Редакция «Свободное слово»	50280	58980		
63.	Радиоцентр	49880	59600		
64.	Дом писателя	49820	59700		
65.	Клуб «231»	49760	58160	195	
66.	Редакция «Млада демократия»	48400	58480		
67.	Водонасосная станция	47500	58600		
68.	Товарная станция	50600	62500		
69.	Аэродром Кбели				
70.	Тюрьма				
71.	Министерство финансов	51080	57580		
72.	Высшая партийная школа	51480	52600		
73.	Госпиталь	51200	54400		
74.	Тюрьма	50360	50920		
75.	Студия цветного телевид.	52200	55500		
76.	Редакция «Репортер», дом жур-	51040	58560		

	налиста				
77.	ЦК Народной партии	51000	59180		
78.	Редакция «Руде право»	51120	59700		
79.	Министерство сельского хозяйства	51500	59800		
80.	Литературные листы	50340	58220		
81.	Филиал телецентра	50120	58740		
82.	Международная телеграфная станция	50060	60760		
83.	Городская телефонная станция	50440	61860		
84.	Посольство ВНР	51960	57660		
85.	Посольство ПНР	51300	57720		
86.	Посольство ГДР	50060	58240		
87.	Посольство НРБ	59800	59220		
88.	Ретранслятор	50100	55680		
100.	Радио-телеграфная часть	61100	57850		
101.	Мост 5	51570	58390	190	
102.	Мост 6	51150	58020	190	
103.	Мост 7	50805	57850	190	
104.	Мост 8	49535	57850	190	
105.	Мост 12	49230	57940	190	

* * *

Наконец, нанесены на планшет все цели. Рассчитаны все данные: прицелы, угломеры. Только стреляй. Поводили своими длинными стволами-хоботами по пражскому горизонту наши гаубицы, принюхиваясь к воздуху заграницы, поводили и сникли до поры - прижались стволами к станинам. «Отбой, батарея!» Получен приказ - в Прагу!

А сразу за выездом из аэропорта, на железнодорожном переезде, мы увидели улыбающегося железнодорожника-чеха. Он весело размахивал нам флажком. Мы еще не знали, что это - первый и чуть ли не последний чех, который будет нам улыбаться…

Ровное шоссе, по обеим сторонам усаженное сливовыми и яблоневыми деревьями, вело нас по пражскому предместью. Справа и слева убегали за наши спины ухоженные, красиво выкрашенные домики под черепичными кровлями. Совсем такими, как на трофейных немецких ковриках, появившихся в наших домах после войны.

Окраина Праги - в новостройках типовых светлых многоэтажек, как в Москве… Только поменьше асфальта на улицах, побольше брусчатки. Но уже не такой, как в Москве, перекореженной и выщербленной, а ровненькой, уложенной аккуратными полукружьями…

* * *

Встала батарея, выбрав ровную травяную площадку: то ли большой газон, то ли сквер. Впереди, по направлению к центру Праги, - свободное пространство: прекрасный сектор для стрельбы. Только высоковольтка справа немного мешает.

- Снесем, если что, парой снарядов, - изрек командир 2-го огневого взвода старшина Денисов.

И я одобрил вполголоса:

- Правильно! … с ней, с Голландией!

Никто почему-то не засмеялся. А почему, собственно, должны были?

Слева нашу лужайку обрамляла старая невысокая стена с роскошным садом за ней. Справа тянулась мостовая с трамвайными рельсами.

Занялись рытьем окопов. Занятие - само по себе «веселое», а для артиллеристов особенно: нужно еще рыть окопы для орудий.

Появились первые жители. Картинка опять напомнила Москву: студенты, рабочие, служащие спешат кто учиться, кто работать. На нас поглядывают удивленно. Удивляемся и мы: их, оказывается, не предупредили, что мы прилетим их защищать!

У меня своя забота: новая огневая позиция - новые данные для стрельбы. Только цели те же.

Пражан вокруг прибавилось. И не только спешащих по своим делам, но и пытающихся заговорить с нами. Просто так пока, по-обывательски. Кто такие, мол, чем занимаетесь? Мы, не отрываясь от своих дел, степенно втолковываем, что, дескать, русские мы, к вам приехали… По-русски говорим, а они и понимают.

Покатились первые трамваи. Тоже - узнаваемые, еще бы: весь Союз на них ездит. Трамваи из Праги, автобусы из Венгрии, сигары с Кубы… А долг, как известно, платежом красен. Вот и получите: танки из Москвы!

И что-то уже подсказывает смутно и тревожно: нет, не дождаться нам цветов…

А управления батарей и дивизиона занимают тем временем штаба чехословацкий 7-й армии противовоздушной обороны (того самого, который я уже рассчитал как цель). Нас предупредили, что армия ЧССР «соблюдает нейтралитет». И верно: обошлось без стрельбы и даже мордобоя. Чешские офицеры на предложение сдать оружие молча покидали пистолеты на пол и разошлись, избегая встречаться с нами взглядами. Они, возможно, догадывались, что мы прилетим…

Боевая техника все гуще и гуще прет мимо нашей огневой позиции к центру Праги… И тут загудели вдруг, совсем как в виденных-перевиденных фильмах про Октябрьскую революцию, заводы Праги.

Посуровели лица пражан, и любопытство их приняло другую окраску.

- Зачем вы здесь? - спрашивают они, рассматривая орудия и заглядывая в дула.

- Для разгрома контрреволюции, - четко отвечают десантники, привычно протирая снаряды.

- Но вы же видите: мы спокойно живем и никакой контрреволюции.

- Ну да, рассказывайте, - снисходительно поглядывают десантники, - развели тут, понимаешь, а сами не видят.

- Что развели? У нас такой же социализм, как у вас, а проблемы свои мы решим сами.

- Решите, как же! А мы тогда зачем?!

- Уходите домой, это наше дело.

Поговори с такими…

А тут откуда ни возьмись грузовичок с каким-то возбужденным народом проехал, рассыпав (впервые в жизни я их видел) прокламации, написанные от руки и размноженные на ротапринте:

«Солдаты! Вы помните, как мы встречали ваших отцов в 1945 году? Почему вы не видите этого теперь?! Задумайтесь!»

Некогда думать - приказы нужно выполнять. Вот-вот покажется контра.

Только не видать что-то… Лишь танки, танки, танки гремят гусеницами по брусчатке. И на соседних улицах танки да бронетранспортеры, и на пересечении улиц вдали - тоже наша техника, перетянутая крест накрест, словно посылка веревками, широкими полосами белой краски, чтобы от армии ЧССР отличить можно было: техника-то ведь одинаковая у всех союзников по Варшавскому договору, советская.

Прогремела где-то вдали автоматная очередь, взорвалась граната, еще одна очередь… Что-то происходило, видно, в центре города. Повезло кому-то из наших. Не то, что у нас на позиции… Скука да разговоры пустые.

А день, длиннющий день 21 августа 68-го, клонился к вечеру. Приехал на «газике» из центра замполит дивизиона Шарков. На чердаке и крыше здания штаба 7-й армии ПВО расположились наши НП и КП дивизиона. Оттуда - идеальный вид на всю центральную часть Праги. Там наши разведчики с комбатом, там и командование дивизиона.

Замполит, хороший уже тем, что не цеплялся к солдатам по пустякам, с каким-то суровым спокойствием рассказал, что происходит в центре города и какая вообще, по его сведениям, ситуация в стране. Центр охвачен забастовками, митингами, демонстрациями. Пражане преграждают дороги нашим войскам, лезут под колеса боевой техники, подожгли несколько танков. Вот ведь до чего довела чехословацких трудящихся агитация контрреволюционеров! Так что и нам, закончил замполит веско, следует быть настороже и готовыми ко всему…

* * *

Стемнело. Кто как, кто когда, всухомятку перекусывали консервами из десантных сухпайков. Покуривали у кого что нашлось: еще литовские сигареты «Памирас» и «Аврорас»… Радисты передавали новые данные по по-

годе: скорость и направление ветра, давление, влажность, температура воздуха. Я вычерчивал новые кривые, пересчитывал прицелы и угломеры. Офицеры и командиры орудий переписывали их у меня. Работали, устраиваясь в окопах. Раздумывали…

Поводов для раздумий, во всяком случае у меня, было много. С кем, например, все-таки предстоит воевать? Почему не видно армии ЧССР? Как поведут себя войска НАТО, ввод которых в Чехословакию мы, по словам замполита, опередили на несколько дней, если не часов? И где, наконец, те, кто понимает, что мы прилетели им на помощь?! И никаких ответов, никакой ясности…

Долго еще не будет…

* * *

Еще в аэропорту замполит довел до нас приказ командования: не разрешать корреспондентам, пусть даже и советским, фотографировать нас и наши позиции.

В этот первый день нас пытались снимать особенно часто. И десантники, которым за свою жизнь удавалось подержать в руках разве что дешевенькую «Смену», с какой-то остервенелой радостью отбирали у всех без разбору дорогие иностранные фото- и кинокамеры и смачно разбивали их о брусчатку, не ленясь порой и потоптаться сапогами. Особенно усердствовали деревенские, ибо брать себе запрещалось строго-настрого…

* * *

В 23.00 по среднеевропейскому времени, словно по команде, по городу застучали автоматные и пулеметные очереди. Ночь над Прагой расцветилась десятками, если не сотнями пунктиров трассирующих пуль. Очереди нависали дугами разной крутизны над зданиями, вытягивались вдаль, задирались в звездное небо, чуть ли не свивались в клубки. Немой восторг перед зловещей красотой происходящей фантасмагории переполнил меня. Не хотелось, невозможно было думать, что волшебство это несет кому-то смерть. «В песочек еще тебе надо играть», - не удержался я от издевки в свой адрес, не находя сил оторвать глаз от трассирующей красоты…

Около часа ночи дважды громыхнули разрывы гранат, выпущенных из противотанковых гранатометов, и все стихло. 21 августа ушло в Историю.

* * *

В суматохе первого дня, не помню уже кто из командиров и по какому случаю, сообщил: все, что происходит с нами, – операция «Дунай»…

* * *

Мы не спали уже вторые сутки, но возбуждение и ощущение причастности к чему-то необычайному исключали даже саму мысль о сне. Неизвестность дальнейшего пьянила, хотелось быстрее, как это бывает, когда запоем читаешь интересную книжку, подсмотреть, а что будет дальше.

Чтобы не отдохнуть, а помечтать в относительном одиночестве, я забрался под тент стоящей неподалеку нашей машины и растянулся на снарядных ящиках. Пролежал, вероятно, час или два, покуда меня не хватились. Комбат на НП приглядел еще несколько целей, по которым, как он считал, было бы неплохо шарахнуть из наших гаубиц. Ну, дворец там какой-нибудь, либо мостик через Влтаву… А мне - опять считать. Рассчитал…

* * *

Наступивший день не принес изменений в наш распорядок: оборудование вырытых окопов, рытье новых, возня с орудиями, связь со штабом и командными пунктами и т.д. Интересен разве только был приказ о запрещении отправления естественных надобностей в одиночку. Один, стало быть, сидит, а другой – торчит рядом с ним с автоматом наперевес. Контра, ведь, только и думает, как свистнуть кого-нибудь со спущенными штанами!

Метрах в ста перед позицией встали несколько танков, прибывших своим ходом из Группы советских войск в Германии. Еще дальше - какие-то автоподразделения. Все – в широких, крест-накрест, белых полосах.

Майор Дорофеев, начальник парашютно-десантной службы дивизиона и секретарь парторганизации, высокорослый дряхлеющий остолоп (о таких говорят «идет, как в штаны наложил»), прибыл на батарею для улучшения нашего политико-морального состояния. В штабе, видно, он всем уже осточертел. По должности своей он вообще оказался в Праге ни к чему. Вот и мотался от подразделения к подразделению, отрывая солдат и офицеров от служебных обязанностей, мозоля всем глаза и забивая уши политинформацией. Среди прочего он сообщил, что позвал нас сюда, оказывается, президент ЧССР Людвиг Свобода и группа товарищей из ЦК КПЧ. Он, как и многие другие, не знал, конечно, что аккурат в это время Свободу с товарищами усиленно «уговаривали» позвать нас задним числом.

Проехал мимо грузовик с чехами, как и накануне. Только лица у людей уже искажены яростью. Размахивают национальными флагами, скандируют: «Дуб-чек – Чер-ник - Сво-бо-да!» И белый рассыпающийся след из листовок за грузовиком. А на них: *«Обращение к войскам стран Варшавского договора, прибывшим в ЧССР».* Забегали офицеры, отбирая у нас бумажки. У меня не успели…

Приземлился, подняв пыль, вертолет - доставил из аэропорта свежую прессу и агитационные брошюры. И на русском, и на чешском. Чехи подходили, брали, рассматривали и отходили разочарованные.

Пражане, несмотря на вялые протесты офицеров, по-прежнему липли к нам. Говорили по-русски, интеллигентно, смущенно даже, а, если точнее, стыдясь того, что приходится объяснять нам столь очевидные вещи, а до

нас так и не доходит.

…Из очередного отрываемого окопа показалась бугристая рожа Леши Бережного - рядового, призванного из какой-то тьмутаракани и так ничему в армии не научившегося. Перед пражанами он вынырнул, как черт из коробка, развел перемазанными в глине руками и высказался:

- Ну, мы-то чаво? Слобода скажет – мы уедем! - и скрылся в окопе, политик хренов.

А в 23.00, как и накануне, в темноте загремели выстрелы. Стреляли сейчас и в нашу сторону, поскольку над головами нет-нет да и посвистывали пули. Я вылез из окопа и пошел вдоль позиции. Сознавал, конечно, что пули летят гораздо выше головы, но все равно было интересно прислушаться к собственным ощущениям под обстрелом. Да что взять с дурака, прости меня, Господи…

Споткнувшись обо что-то, я нагнулся и с удивлением разглядел сапоги, протянутые меж станин гаубицы, а потом и всего залегшего туда майора Дорофеева. Обнаруженный, он смущенно поднялся и, оправляя форму, проговорил доверительно:

- Стреляют… А у меня все-таки дети…

Насчет детей я не знал, но всему полку было известно о ветвистых рогах майора, растущих не по дням, а по часам… Теперь вот, оказывается, еще и трус.

Вообще, в Праге мы стали по-другому смотреть на наших офицеров. Прежде считали кого-то зверем, а кого-то добрым, одного умным, другого дураком, а третьего не пойми чем. Теперь же они за день - два отсортировались на трусов, кто прятался за наши спины и броню, и настоящих командиров…

* * *

А утром батарея получила приказ сняться и ехать в аэропорт.

Улицы, по которым мы вступили в город 21 августа, изменились разительно. Во-первых, были замазаны абсолютно все дорожные указатели. Старательно так, добротной нитрокраской, и до нас стало уже доходить: не могла эту работу проделать какая-то жалкая группка контрреволюционеров. Вдобавок все стены домов и заборы были испещрены надписями, обращенными к нам. Тут и там мелькало: «Оккупанты, идите домой! То - наше дело!», «До Москвы - 2000 км!» и стрела, указующая обратный путь. Но лучшей оказалась надпись на длинном шлако-блочном заборе, сделанная черной краской метровыми буквами: «Ленин – вставай! Брежнев сошел с ума!»

Было смешно, а кем-то и овладевала жгучая детская обида: мы к вам - защитить от контры и вторжения НАТО, а вы – так… Мать вашу!

В аэропорту Рузине батарея заняла огневую позицию прямо возле основной взлетно-посадочной полосы, где одиноко стоял сверкающий белизной длинный лайнер с четырьмя турбинами на хвосте: еще никем из нас не виденный Ил-62. Он, как мы быстро разведали, был приготовлен для руково-

дства ЧССР, отбывающего по настоятельному «приглашению» нашего Политбюро в Москву. Наши же гаубицы, оказывается, понадобились для обеспечения безопасности вылета…

Так и осталось в моей памяти: белоснежный самолет, четыре гаубицы перед ним, а между ними на травке кто-то из десантников со спущенными штанами! Ну, что поделать: не было у Советской армии полевых туалетов, а кустики на летном поле тоже отсутствовали. Так что насильно увозимому чешскому руководству было на что посмотреть перед вылетом…

* * *

Красавец Ил-62 улетел, кажется, на вторые сутки, и нас вновь перебросили в Прагу, на уже обжитое место. Ну, здравствуй вновь, Злата-Прага, что-то ты совсем стала какая-то железно-зеленая от советской брони, гусениц и стволов…

А едва встали на позицию, как очередная новость: нам разрешено обзаводиться «трофейными» автомашинами! Батарея сразу же разжилась, высадив чешских хозяев, двумя грузовыми «татрами» и перегрузила в них часть снарядов. Комбат разыскал где-то в центре черный лаковый микроавтобус «мерседес», а я с отделением связи удовольствовался скромненьким «уазиком»…

* * *

А боевая жизнь шла своим чередом. Чехи постреливали…

Уже в Праге мы узнали, что боекомплекты выданы одной нашей дивизии, а остальные, в том числе части из Группы советских войск в Германии, не имели ничего, кроме холостых патронов, - чтобы, дескать, «не провоцировать кровопролитие». Поэтому первые две недели выдались жарковатыми…

Был сбит вблизи аэропорта пулеметной очередью из леса вертолет с корреспондентами наших центральных газет, а чуть позже – заходивший на посадку самолет Ан-12. Последнее вызвало у солдат особенное негодование: самолет вез, по слухам, 10 тонн сливочного масла!

В этот лес послали роту 108-го гвардейского парашютно-десантного полка нашей дивизии. Ребята прочесали его и перестреляли всех, кто им попался.

* * *

Временно покинув позицию, я с нашими разведчиками покатался по городу. Центральные улицы забиты толпами. Толпы кипели ненавистью. Ненависть эта обжигала нам лица, как огонь пожара.

На улицах была, в основном, зеленая молодежь и люди лет до 30 – 35-ти (говорили, что жители постарше на второй - третий день выехали из

города с маленькими детьми - от греха подальше). От московской молодежи их отличали какой-то более цивилизованный, даже аристократический, вид и хорошая, ярких цветов, одежда. Европа, словом…

При переезде через привокзальную площадь наша машина уперлась в проходившую нестройно колонну с флагами ЧССР, плакатами и лозунгами. Площадь и вокзал контролировала часть Народной армии ГДР - «союзники»[6]. Щеголеватый лейтенант-немец, почти эсэсовец из фильма «Подвиг разведчика», подошел к нашему старлею. Объяснялись оба жестами, но понимать особенно было нечего: нам требовался проезд. «Эсэсовец» что-то гортанно крикнул своему стоящему неподалеку мотоциклисту, у которого в коляске сидел стрелок за пулеметом. Тот аккуратно развернулся, и стрелок дал длинную очередь по толпе. Закричали раненые, упали убитые, все бросились в стороны… А немец сделал нам элегантный жест рукой: проезд освобожден!

Мы, ошеломленные и подавленные произошедшим, проехали. Вот и первые трупы в нашей жизни… Трупы тех, кого мы летели защищать от контрреволюции и НАТО.

* * *

В штабе чехословацкой 7-й армии ПВО, где расположилось наше начальство с разведчиками и связистами, мне показалось гораздо уютнее, чем на огневой позиции. На чердаке есть где спать, слуховые оконца – готовые бойницы, а с крыши – вид просто изумительный. Но, стоя на ней, словно Наполеон на Поклонной горе, командир дивизиона майор Дряпико не любовался красотами Праги. Он простирал по-полководчески руку и указывал подчиненным ему офицерам места предполагаемых огневых позиций.

Стемнело, и в 23.00, как уже повелось, загремели выстрелы. Стреляли в нашу сторону из нежилого, кажется, дома, расположенного метрах в восьмистах от нашего здания. Пули по нам шли не прицельно, и можно было догадаться, что стрелявшие не горят желанием высовываться. Мы, так же неприцельно, отвечали. Надо же было тратить патроны, которыми нас столь щедро снабдили… К часу ночи стрельба опять утихла сама собой. Стрелять просто надоело. Тем более, что потерь среди нас не было, и, как утром донесла разведка, в доме напротив так же не обнаружили ни живых, ни мертвых…

Говорили, что когда надоедало стрелять, десантники другой части водружали на подоконник гранатомет и выпускали по окну, откуда шла стрельба, гранату. Там вместо окна образовывался черный провал… Отбой!

А еще говорили, что чешская госбезопасность (находившаяся, напомню, под прицелом наших гаубиц) не без помощи КГБ отлавливала потом любителей пострелять.

А еще поговаривали меж собой офицеры, потом, в Калварии уже, что найденные в Праге и показанные прессе склады с оружием, будто бы устроенные цэрэушниками для «свержения социализма», были делом рук заранее засланных агентов КГБ.

* * *

Утром на меня наткнулся комбат и зловеще спросил:

- Какого … вы здесь делаете, Шмелев?

Я не очень находчиво, зато кратко ответил:

- На экскурсии!

Минут за десять он быстренько объяснил мне, что место мое - на позиции, на которую мне следует отбыть немедленно… Я и отбыл.

А Прага все-таки была хороша. Даже со следами пуль на стенах старинных зданий, с искореженными танками трамваями, выбитыми витринами… Я, житель столицы, ясно ощущал многовековое величие этого города, несмотря на всю щенячью глупость и восторг мальчишки, попавшего «на войну».

По огневой позиции все так же потерянно и ненужно бродил майор Дорофеев. Как только число танков, стоящих вблизи нас, оказывалось менее десяти, он впадал в панику и, отняв микрофон у связиста, начинал требовать перемещения батареи на другую позицию ввиду угрожающей ей опасности…

* * *

Связь работала плохо: рации были слабосильными, да, к тому же, в условиях большого города помех было предостаточно. Командир отделения связи сержант Кривоногов – Славка, - приятель и сослуживец мой по батарее, тратил все свои знания и силы, чтобы связь поддерживалась бесперебойно. Штырьки гибких антенн привязывались к орудийным банникам (шестам для чистки стволов) и вздымались чуть ли не на десяток метров, но перебои все-таки случались. Тогда предпринята была попытка установки станций-ретрансляторов в промежуточных пунктах между КП и позицией. Сидели в окопах с рацией рядом с какими-то другими подразделениями. Залезали даже на телебашню; попутно связисты, взламывая аппаратные, отвинчивали и запасливо ссыпали в карман радиодетали, которые у нас всегда были дефицитом (через полгода я прочту в газете, что пражское телевидение вновь приступило к вещанию, и испытаю сильное уважение к чешским радиоинженерам)…

* * *

Связь работала плохо еще и потому, что пражские радиолюбители уже во второй день настроились на наши частоты и стали вклиниваться в переговоры. Называли нас оккупантами, требовали, чтобы мы убирались домой и повторяли все то, что мы читали на логунгах демонстрантов и в листовках, которые скидывали нам на позицию с проезжавших грузовиков (начав, кстати, агитацию с рукописных листовок, чехи закончили черырехполосными газетами с фотографиями).

Говорили они на вполне понятном русском и притом очень вежливо. Это и поражало больше всего: никакого мата! Наши-то связисты и не знали, чем еще, кроме мата, прогнать их с частоты.

Как-то раз я не выдержал и влез с «дипломатией»: срочно нужна была связь со штабом полка. Завязался диалог. Ну, дискуссией политической это не назовешь, а так… Я пытался объяснить, что «служба у нас такая» и не надо нам мешать… А он предложил мне ехать домой и служить там. А я ему – «выйти на улицу, поговорить спокойно». На что он протянул рассудительно: «Не-е, хитрый какой… На улице – ваши парашютисты…»

Хотел я сказать, что сам – парашютист, да осекся: по словам замполита, ушедший в подполье «штаб контрреволюции» объявил пражанам, что патроны – только у парашютистов и стреляют именно они… Чем бы закончились наши «переговоры» – неизвестно, да в эфире раздался гневный голос комбата: «Убрать этого м…ка от гарнитуры!»[7] И хотел, видно, еще что-то добавить на мой счет, поскольку не имел я права сам выходить в эфир, да зазвенел голос Красного: «Прекратить мат в эфире!» (Спустя почти год, летом 69-го, стоя перед полком, он вопрошал грозно – настолько грозно, что даже местечковый прононс пропал: «А вам известно, что матерщина, согласно только что изданному приказу командующего, является грубым хулиганством, за которое полагается три года тюрьмы? Известно, … вашу мать?!»)

* * *

А среди наших частей, как видно, в качестве контрпропаганды, кто-то пустил анекдот из серии «Армянское радио спрашивает…», ставший очень популярным у десантников:

- «Как покончить с контрреволюцией в Чехословакии?
- Дуб спилить, чека оставить».

* * *

На одной из промежуточных позиций застал нас однажды щедрый ужин. Надо сказать, что где-то в начале сентября запас сухпайков окончательно истощился, а полевых кухонь десант с собой не захватил. Но командование, в конце концов, сообразило отдать приказ частям, прибывшим в Прагу своим ходом, делиться с нами (те, значит, прибыли без боевых патронов, но зато с кухнями! – умно была спланирована операция «Дунай», ничего не скажешь…)

И вот снабженцы в очередной раз привезли ужин. Но какой! Сверх обычных нормативов было выдано по 100 граммов сливочного масла и по 8 кусков сахара! Нисколько не сомневаясь в ошибке снабженцев и руководствуясь народным правилом «что упало - то пропало», мы, счастливые, поспешили прикончить все выданное. Лишь утром узнали, что нам введены нормы продуктового снабжения военного времени! Позже еще выдавались финский сервелат и китайские банки с колбасным фаршем – еда, для солдат

небывалая!

А расплатой за первый столь щедрый ужин стало расстройство желудков…

* * *

Благо, газет было вдоволь. Никогда ни до, ни после не видел я в жизни такого обилия газет. Доставляли их самолетами, по разговорам – прямо из Москвы, толстенными пачками. И политработники совали их чуть не каждому солдату. Поначалу мы набрасывались жадно – так хотелось своими глазами увидеть, что знает Родина о нашем геройстве… И что же мы увидели? Статьи были какие-то благостные или фальшиво-бодрые, а то и просто сопливые, но все одинаково далекие от правды. И про мирную жизнь чехов и словаков под нашей защитой, и про их одобрение ввода войск Варшавского договора, и про радушное к нам отношение… Поначалу газеты удивляли совсем уж наивных и смешили остальных. Потом десантники стали издеваться над всем этим бредом. Но и это быстро надоело и многие стали бросать газеты куда попало, не читая, а приберегая для похода в сортир.

Особенно заводили нас россказни о том, что вот, мол, повстречались чешская девушка и советский солдат, и понравились они друг другу, и стали они «дружить» (это ж когда и где, если нам самим командиры и политработники строго-настрого запрещали даже разговаривать с чехами?)…

Знакомились, конечно… Мы узнавали о таких «романах», когда до наших ушей доходило, что девушку, перекинувшуюся десятком слов с кем-то из наших, местные ребята-чехи отлавливали и брили наголо… Все-таки они европейцы, эти чехи - в наших деревнях были обычаи пострашнее…

А почти всегда было так: девушки от нас шарахались, в лучшем случае – отворачивались, полупрезрительно, полубрезгливо поджимая губки…

* * *

В начале сентября прихотливая солдатская судьба приказом нашего непосредственного начальства швырнула нас опять в сторону аэропорта Рузине. Мы встали позицией неподалеку, рядом с радиолокатором аэродромного наведения. Локатор от нашего соседства моментально вышел из строя…

Потребовались мы в аэропорту по причине получения разведданных о том, что к Праге движется вышедшая из подчинения танковая часть армии ЧССР. Аэропорт же был нужен для прибытия подмоги. Будто нас самих недостаточно, обидчиво поговарили меж собой солдаты. Или чтобы у всех этих организаторов операции «Дунай» была возможность вовремя смыться, думал я и, не исключено, кто-то еще…

Опять рыли окопы. Ночи становились холодными и потому плюс к окопам рыли еще и землянки.

Необходимость прикрыть «танкоопасное направление» собрала вместе в районе аэропорта почти все батареи. Наконец, доставили из Союза по-

левые кухни, и они стали снабжать нас горячим. Расположились они поодаль, и мы ходили за пищей по двое – по трое, с котелками. Окрестности Праги были живописны, плодовые деревья ломились от фиолетовых слив и румяных яблок и, естественно, такие прогулки не были нам в тягость…

Однажды, на обратном пути с кухни, я задержался у палатки наблюдателей-артиллеристов болгарской армии, - поболтать с «союзниками», на которых мы, естественно, смотрели свысока. Как раз в этот момент к ним подъехала смена и, заодно, сгрузили сухпайки. Вместе с пайками сгрузили и несколько фляг, одну из которых сразу же пустили по кругу. Посмотрев на меня, кто-то подтолкнул пившего локтем, и тот протянул, как гостю, флягу мне. Я удивился: воду привозили и нам, поскольку вода в колодцах частенько оказывалась отравленной, так что недостатка в питьевой воде мы не испытывали. Но, только из приличия, флягу взял и глотнул… Водка обожгла горло, и я поперхнулся. Болгары засмеялись, и мне пришлось, поддерживая честь советских десантников, сделать вдогонку первому еще несколько глотков…

Ввалившись в свою землянку, я радостно выдохнул свежие водочные пары в лицо оторопевшим боевым товарищам и на их безмолвный вопрос гордо ответил: «Союзники выручают». Я уже спал, когда от «союзников» вернулась срочно посланная туда делегация. Вернулась ни с чем: водка кончилась…

* * *

Наши батареи ожидали танки «неприятеля» не в полном составе. Отдельные орудия вставали возле небольших, но все равно проходимых для танков проселочных дорожек, а дозоры солдат с гранатометами засели даже и у тропинок… Один такой дозор, заслышав ночью звук дизельного двигателя, подумал-подумал, да и швырнул туда противотанковую гранату… Утром там обнаружилась развороченная грузовая «Татра»: бедные чехи, дабы не привлекать нашего внимания, выбрали для проезда едва-едва проходимую дорожку и ехали с выключенными фарами, и вот…

«Истребителями “Татр”» обозвал на утреннем разборе трех дозорных командир полка Красный. Язвительный он был. Но дело на том и закончилось…

К одному их таких отдельно стоящих орудий направился однажды и я. Шел свежевспаханным полем и из-за давней страсти искать и находить бдительно смотрел под ноги. Вначале я обнаружил старинный бронзовый циферблат от карманных часов с римскими цифрами, а чуть позже – маленький снарядик от немецкой зенитной пушки «Эрликон» времен Второй мировой войны. Не долго думая, я поднял и его. Придя на позицию, я увидел старшего лейтенанта Позябкина, наблюдающего за рытьем окопа.

- Вот, – гордо протянул я ему снарядик как специалисту.

- Опускай, – приказал он мне, указав на почти отрытый окоп.

- Зарывай, – приказал он моим батарейцам, замершим с лопатами в

руках.

Все они, как умели, в самых сочных солдатских выражениях, поблагодарили меня за новое, «более удачное» место для окопа, выбранное им старшим лейтенантом…

- Смотрите, чтобы этот … еще чего-нибудь не нашел! – частенько слышал я потом по рации заботливый голос комбата.

* * *

Танки к Праге не прорвались. Где-то в пути экипажи разагитировали, и они смирились… Нам повезло. Чехам, думаю, тоже: кумулятивный снаряд 122-миллиметровой гаубицы Д-30 пробивал башню танка Т-34 насквозь (видел собственными глазами на полигоне). А артиллеристами мы были хорошими. Русская армия всегда славилась артиллеристами.

* * *

Как-то мы ехали, не помню уже куда, и остановились недалеко от аэропорта помыть машины: совсем рядом с дорогой было маленькое озерцо. Тут осторожно, озираясь, не видит ли кто из местных, приблизилась к нам пожилая пара… Кажется, собирали они там в саду упавшие сливы. Пожимая нам поочередно руки, на хорошем русском они говорили:

- Не думайте, что вас тут все ненавидят. Многие рады вам, но боятся это показать… Могут ведь и убить за это. А мы вот, старые коммунисты…

Во второй и последний раз в ту пражскую осень видел я улыбки на лицах чехов. Они спешили отойти, но на прощание попросили красную звездочку с пилотки – на память. Кто-то снял и отдал…

* * *

В 3-ей батарее исчез солдат - наводчик орудия ефрейтор Бойко. Автомат его остался в оружейной палатке, поэтому сразу возникло подозрение, что он не дезертировал, а был похищен…

Меры по его розыску были приняты беспрецедентные. Прекрасным утром золотой осени все подразделения полка (и других полков дивизии) до взвода включительно получили свои направления во все стороны света и приказ прочесать доставшийся каждому сектор в глубину до 30 км! Это мы тоже видели в фильмах про войну: цепочка фашистов-автоматчиков и ползущий во ржи раненный в голову партизан…

И мы пошли… Ситуация - совершенно идиотская. Во-первых, карты у офицеров стали ненужными почти сразу же: знаки-то на дорогах и указателях были замазаны еще в первые сутки после нашего вторжения, а по-другому офицеры ориентировались на местности плохо… Во-вторых, рации наши могли обеспечивать связь на 10 - 12 км, так что, у кого раньше, у кого позже, связь с лагерем потерялась полностью… В-третьих, по полю-то мы

шагали, как немцы: соседи и справа, и слева были видны, но вот подразделение входило в поселок либо городок… Я входил в одну улочку, сосед – в другую, а при кривизне чешских улочек… Короче, выходили из населенных пунктов кто где…

К концу третьего часа «прочесывания» нас от взвода осталось «только трое». Остальные затерялись на просторах подпражья… Вышли к какому-то городку. Из воздвигнутого на окраине монумента с трудом разобрали, что раньше на этом месте вроде бы находилась деревня Лидице, сожженная фашистами дотла… Меня как самого молодого[8] двое «ветеранов» послали пройти через городок и проверить, нет ли на другом его конце кого-нибудь из наших. И я вошел в городок и пошагал по его центральной улочке.

Сгущались сумерки. Улочка была пустынна. На всем: улочке, домах и палисадниках – лежала печать достатка и хозяйской заботливости. Я брел по красивой ухоженной брусчатке все менее уверенно и, словно в приличном доме, стеснялся своих рыжих, давно не чищенных сапог. Уютно светились окна кабачков. Там сидели нормальные люди, смотрели телевизор, потягивали пиво… И никто, понимаете, никто даже не глянул на меня! И поразительная мысль пришла в мою дурную голову: я же марсианин! Я прилетел с другой планеты и для всех окружающих – ч у ж о й ! Мало того, я – просто не существую для них! Тогда зачем я вообще здесь?!

Но шел я дальше, и ничто не могло меня остановить. Попробовал бы кто-нибудь…

На окраине нашел я боевую радийную (то есть с мощной рацией) десантную машину из полка нашей дивизии, и меня подвезли обратно на другой край городка. И я уже не чувствовал себя марсианином, а под охраной брони гордо ощущал себя нормальным оккупантом.

На месте обнаружились не только двое моих «ветеранов», но и сам комбат Голощапов с группой приблудившихся к нему десантников. «Бэрдэ-эмка» уехала, а комбат приказал:

- Пересекаем город! Половина бойцов идет по правой стороне улицы, стреляет по левым окнам. Половина – по левой стороне, стреляет по правым… Я иду посередине.

И я в третий раз пересек Лидице…

Стрелять, слава Богу, было не в кого…

Назад возвращались весело. Конечно, довольно много времени мы лишь предполагали, что возвращаемся… Но уже под утро, собрав по окрестностям почти всех бедолаг из нашей батареи, мы все-таки вышли на связь с лагерем. Они, естественно, спросили, где мы… Если бы еще мы это знали! Соответственно и они не могли объяснить, как нам до них добраться. Договорились, что время от времени будем и с той и с другой стороны стрелять ракетами: кто первый увидит… Еще через пару часов увидели… Осталось только добрести!

Ноги от долгой ходьбы были сбиты, силы на исходе… Нет, мы, конечно, ощущали себя десантниками и были таковыми, но осознание идиотизма этого «прочесывания» отнимало последние силы… Не стало сил даже

смеяться.

Когда же на нас набрел на грузовом Газ-66 командир дивизиона, и, грозно поинтересовавшись: «Долго ли еще вас ждать?», укатил на пустом (!) грузовике, силы вообще истаяли… Помогли, как водится, «союзники»: кое-кто (и я) набрел на пост болгар, а те пили вино (у них был праздник - День независимости). Вина у болгар убавилось, а сил у нас прибавилось…

Притащились в лагерь к утреннему разводу, а потом… все подразделения опять получили свои направления!

Мы (наша батарея) вошли в кукурузное поле, находящееся в километре от лагеря, и пролежали в нем до вечера… Больше солдата не искали…

* * *

Солдата долго не искали… Нашелся он сам, спустя почти месяц, в тюрьме какого-то чешского городка. Никто его не похищал. Он убежал. Раздел какого-то чеха, отнял у бедняги велосипед, бросил гранаты, форму и покатил вдаль! Знали ли он, куда едет?… Вскоре его остановила чешская полиция. На ломаном немецком (учил в школе в Воронежской области) беглец объяснил, что он – турист из ФРГ. Пригласили переводчика и тот за минуту выяснил, что никакой он не немец, после чего ефрейтор замолчал вообще. Возиться с ним, когда в стране такие события, никому не хотелось, и его оставили в покое. В камере… Посидев и рассудив трезво, что так можно просидеть и много-много дней, если не лет, Бойко запросил встречи с представителями советского командования. Встретился! Тому, во избежание головной боли, было проще передать его нашей дивизии.

И вернулся Бойко в собственный полк… Вырыли ему гауптвахту: яму 2 метра длиной, 2 шириной и 2 глубиной, прикрытую бревнами и дерном… Так и сидел, пока решалась его судьба. Заходил к нему замполит, беседовал, передавал кое-что нам, на разводах, что можно, разумеется… Например, что Бойко ехал делать революцию во Франции, оказывается…

Командование решилось-таки признать Бойко сумасшедшим (не бросать же тень на геройскую дивизию) и отправить в психбольницу Каунаса. Менее чем через год, замучившись держать нормального, психбольница вернула ефрейтора дивизии, и штаб был вынужден его демобилизовать. Взяли от нашего полка двух сержантов и «демобилизовали» Бойко под конвоем в родную Воронежскую область…

* * *

В середине сентября нам – один-единственный раз – устроили баню.

Громадный брезентовый шатер военно-полевой бани разбили прямо напротив здания аэровокзала и международной гостиницы. Вокруг, насколько хватало глаз, в ожидании своей очереди стояли голые десантники. В том числе и я. Форменная одежда была сложена отдельно. В дополнение к ним всем выдавались тельняшки, малиновые береты и зимние десантные куртки

на вате! (До этого в ВДВ носили общевойсковую форму, и Маргелов, по слухам, долго добивался, чтобы десантникам ввели другую форму одежды, и в частности – береты и тельняшки. В Прагу мы прибыли в тонких хлопчатобумажных шлемах для прыжков, застегивающихся под подбородком. А уж там кто что хотел, то и носил: шлем или обычную пилотку).

По неумению береты напяливали, как гномы свои колпаки, и от этого мы стали напоминать скопище молодых подосиновиков…

* * *

Катился к концу сентябрь. Деревья переодевались в золото. Батареи нашего полка стягивались в лагерь, разбитый у аэропорта, привычный, как в мирной армейской жизни: ровные ряды шатровых палаток, грибки для дневальных, площадки для построений, площадка для автомашин и орудий. Трофейные автомобили приказано было вернуть почти сразу же после реквизиции. Мы их и «вернули»: отогнали подальше от позиции и бросили, не забыв снять запчасти…

О военном положении говорила только усиленная охрана: дополнительно к обычным постам были введены дозоры, патрулирующие по двое вдоль дальних периметров лагеря, и секреты в окопчиках, вынесенные вперед еще дальше.

Однажды, находясь в таком дозоре и расхаживая по полю, отделяющему наш лагерь от территории аэропорта и поросшему довольно высокой травой, мы с напарником наткнулись на поразительное сооружение. В землю на метровом расстоянии друг от друга были воткнуты две деревянные рогульки с лежащей на них перекладиной, а на ней висели… с десяток крыс, хомяков и мышей. На груди почти каждой из них были повешены миниатюрные таблички с надписями: «партизан», «шпион», «нарушитель», «он пытался перейти границу лагеря»… Это наши десантники, не отягощенные гуманизмом, развлекались во время дежурства.

На нашу беду с проверкой к нам явились командир полка и замполит.

- Ну, ни … себе! – только и смог вымолвить Красный при виде виселицы; обычная язвительность ему изменила.

- Даже мышь не проскочит, товарищ подполковник, – прокомментировал я зрелище с каким-то идиотским вызовом, непонятно кому, и был удостоен молчаливого задумчивого взгляда…

* * *

А листовки, которые я все ж таки подобрал на улочках Праги, и список целей решил я довезти до Москвы: История требовала риска.

Думал я долго, но вышло все просто: Славка Кривоногов развинтил рацию и мы уложили крамольные бумажки на панель с деталями… Пускай старлей-«контрик», как солдаты звали меж собой полкового особиста,

ищет…

* * *

Где-то с конца сентября аэропорт Рузине понемногу начал функционировать и, несмотря на засилье на летном поле наших Анов и арестованных самолетов чешской гражданской авиации (их охраняли болгары), изредка стали приземляться «Каравеллы» и «Боинги» европейских авиакомпаний.

* * *

Начали потихоньку приходить письма. Поскольку мы подписывались под ними старым литовским адресом, тревоги в них не было… Разве только мои: я писал языком Эзопа, а мама работала в Министерстве обороны и знала о моем участии в операции «Дунай» почти с первого дня… У нее отнялись ноги. На две недели…

А я бродил пражскими окрестностями… В полном одиночестве отходя порой на несколько километров. Дисциплина в полку падала, и кто хотел рисковать своей дурной головой – получил полную свободу…

* * *

Написал я и своему другу, который учился в Институте военных переводчиков. Тоже, конечно, эзоповским. Но друг есть друг: догадался сразу. Да и нетрудно ему было: отец его, полковник, служил в Генштабе.

Так вот, когда стояли мы уже лагерем у аэропорта, приехал его отец в Прагу – привез командованию оформленные задним числом документы на «вскрытие границ ЧССР» (танки ведь наши, развернув башни, просто сносили чехословацкие пограничные шлагмаумы и прочие ограждения в первые минуты вторжения, пока мы еще были в небе). И он через штаб дивизии передал в полк посылку для меня. Подарок на мое 20-летие, которое пришлось как раз на Прагу.

Вызванный срочно, я впервые оказался в палатке командира полка, вокруг которой маячили бойцы взвода охраны. Красный - рядом с ним, сделав озабоченное лицо, стоял «контрик» - пытливо поглядел на меня и произнес задумчиво-вопросительно:

- Мне и голову не могло прийти, что у моего подчиненного ефрейтора есть знакомые полковники в Генеральном штабе… - И поскольку я только пожал плечами, добавил, указывая на лежавшую на его складном столике вскрытую уже (наверняка самолично «контриком») посылку: - Ну, посмотрим, что там…

Там оказались бутылка армянского коньяка, сухая копченая колбаса, шоколад и еще какие-то столь же соблазнительные предметы.

Выложив первым делом коньяк и быстро перебрав остальное, он спросил очень мягко, бережно держа бутылку за горлышко:

- Ну, это вам не нужно, правда ведь?

Что я и подтвердил кивком. После чего он разрешил мне забрать посылку и отпустил.

* * *

На фоне многочисленных оккупантских дел и забот вновь возникла чувствительная и роковая для меня тема сортира. На этот раз он представлял собой яму длиной 12 метров, шириной 60 сантиметров и глубиной 140 сантиметров: все ж таки для полка! Я опускаю историю о тяжком ее отрытии (мной и еще несколькими невезучими сослуживцами). Ко времени закрытия сего сооружения я опять провинился и комбат приказал: «Зарыть!» Я пошел. С группой, как говорится, товарищей.

Надо сказать, что где-то в конце сентября в дивизии произошло сильно огорчившее нас «разоружение»: приказано было сдать все боевые патроны, гранаты и ракеты. Зная солдат и их привычку все заначивать, командование почти сразу же приступило к обыскам. Помню, как комбат с офицерами рассматривал извлеченные из моего рюкзака две полные обоймы от пистолета «ТТ» (я и сам забыл о них, отобранных у чешского офицера в штабе 7-й армии ПВО[9]) и пристрастно допрашивал меня:

- Зачем вам, Шмелев, патроны?!

- Забыл выбросить, товарищ старший лейтенант, – отвечал я наивно (хотя и честно). – На что они мне в Москве!

- Не знаю, – высокомерно молвил комбат. – Может, вы в Москве будете кур стрелять!

Что на это возразишь? Я молчал и, наконец, минут двадцать спустя, был отпущен, сопровождаемый следующей сентенцией:

- Идите, Шмелев. Вашим делом будет заниматься контрразведка!

Контрразведка мной не занялась, а в полку произошло саморазоружение. Обыскивали ведь не сразу всех, и слухи шли впереди обысков. А где человеку спрятать искомое, если вокруг так много глаз? Только - сидя на жердочках полкового сортира, там, где тебя никто особо не разглядывает… Выверни потихоньку карман с патронами, урони в яму гранату и… сиди в свое удовольствие дальше…

Прошли дни. Сортир набили доверху и даже с лишком, причем не столько содержимым прямого назначения, извиняюсь, сколько газетной бумагой. Газеты из Москвы по-прежнему привозили тоннами, читать их не читали, сигарет хватало, так что другого применения им не было, а потому их и не экономили…

И вот теперь мне приказали… Я пошел, встал перед площадкой с небольшим бумажным холмиком, над которым кое-как еще восседали какие-то солдатики, и начал высказывать здравую, по-моему, мысль:

- Что же мы, сопку над этим г… насыпать будем?!…

Естественно, все согласились, что сопку насыпать не будем. И тогда я закончил:

- Нужно поджечь бумагу, прогорит постепенно, а завтра – зароем.

На том и порешили. Над отсыревшей газетной бумагой закурился дымок…

Сортир начал стрелять часа через четыре…

Стрелял и взрывался он трое суток…

К концу первых мы уже стояли навытяжку перед совершенно ошалевшим командиром полка.

- Кто,– рвал глотку Красный, - придумал поджечь сортир?!

- Я, товарищ подполковник! – отвечал я честно, поскольку не чувствовал за собой вины, - Я же поджигал не склад боеприпасов!

- А ты знаешь, что самолеты капстран снова перестали садиться, а «Голос Америки» передал, что русские возобновили боевые действия в Праге?!!! Знаешь?! – и жег меня насквозь своими горящими маслиновыми глазами.

- Никак нет, товарищ подполковник. Я не слушаю «Голос Америки», - отвечал я так же честно, ибо не было у меня в Праге приемника…

* * *

Все бы ничего, но во время, так сказать, «открытия огня», на сортире восседали трое: двое солдат и майор, имеющий на боку кобуру с пистолетом системы Макарова. Его-то, выскакивая, как был, из сортира, он и уронил в яму… Потом он его вылавливал… Потом комполка приказал всем офицерам носить пистолеты на ремешке…

* * *

И произошел в Праге, на летном поле Рузине, парад победы - парад нашей дивизии. Мы готовились, маршировали по бетонке взлетно-посадочных полос, орали строевые песни и даже осталась в моей памяти незабвенная картина: перед строем маршируют командир дивизиона Дряпико и начальник штаба Мацияускас и орут строевую песню – показывают, как надо…

И прикатили из Москвы, как и положено, проверающие – три полковника из Министерства обороны. И очень им не понравились, когда обходили они строй батареи, наши порыжевшие сапоги и не ахти какие свежие подворотнички. Сами с иголочки, скорчили они недовольные мины и один принялся было выговаривать Позябкину, представлявшему батарею вместо комбата, по поводу неопрятого вида солдат. Но тот как-то вдруг неожиданно резко перебил его:

- А вы куда летели?

Полковники опешили. Не дав им опомниться, Позябкин повторил вопрос столь же резко. Наконец, один из полковников ответил заторможенно:

- Ну… на учения.

- А они – на войну! – поставил точку Позябкин.

Полковники развернулись и ушли.

* * *

Мы не ударили лицом в грязь: промаршировали лихо и песню спели ладно.

А потом полки нашей дивизии объезжал на открытой белой «Чайке» командующий ВДВ Маргелов. Возле каждого полка он выходил из машины, принимал рапорт командира, говорил: «Товарищи десантники! Поздравляю вас с высокой оценкой партией и правительством вашей работы!», выслушивал наше троекратное «ура» и высказывал командиру свои замечания…

Нашему он сказал с отеческой укоризной:

- Артиллеристы х…ы! Ни одного снаряда по Праге не выпустили…

Красного после такого «поздравления» отвезли в медсанбат…

* * *

А песен о Праге не осталось… Лишь однажды, пробираясь меж палаток, я услышал:

«А над Прагой, а над Прагой
Солнце низкое садится.
Мне уснуть давно бы надо,
Только что-то мне не спится…»

Это было переложение знаменитой песни Городницкого «Над Канадой».

Уже после дембеля, в Москве, я слышал, как пели какие-то соплякистуденты:

«Эх, романтики синий дым.
Вспомнит Прага советские танки!
Сколько крови и сколько воды
Утекло в подземелья Лубянки…»

Потом я узнал, что это – переложение, а оригинальная песня - о вторжении в Венгрию в 56-м… И в нем, как я уже сказал, участвовала наша дивизия…

* * *

Пора было собираться домой. Если бы… Не домой – в свою Калварию. Она тоже, впрочем, была вовсе не нашей, а литовской. Но куда-то надо было… Мы и собирались. Шли уже мимо нашего лагеря эшелоны с солдатиками. Они махали нам руками, орали что-то… Совсем как в 45-м.

А мы ожидали… Между ожиданием происходили обычные занятия… К моему немалому удивлению, я оказался лучшим в состязаниях вычислителей полка и получил немецкий фонарик и отпуск на родину… А родина-то – Москва, а где та Москва?! И не видать…

* * *

Грузились мы в эшелон в последних числах октября на какой-то станции под Прагой. Я, увидев водопроводную колонку, радостно стянул гимнастерку и влез всем туловищем под мощную холодную струю. Из окна вагона тотчас же высунулся комвзода лейтенант Ульянов, только что прибывший из училища и не отличившийся в Праге ничем, кроме глупых команд (год спустя, под Орлом, на уборке урожая новый замполит дивизиона Щетинин будет гладить его по голове, ласково приговаривая: «Какая хорошая у вас фамилия…») и завопил:

- Вы что, Шмелев, менингит хотите заработать?!

На что я флегматично отвечал:

- К вашему сведению, менингит – заболевание вирусное.

После Праги мы уже по-другому с ними разговаривали, с офицерами нашими, тем более молодыми. Они с нами тоже:

- Ваша беда, Шмелев, что вы слишком много знаете…

* * *

Ехали через Польшу.

И я с великим изумлением обнаружил, что она такая же нищая, как и Русь… Разве что телеги на резиновом ходу… На остановках жители охотно меняли нам зеркальца с голыми девицами на обороте и колоды карт на выдаваемые нам махорочные сигареты «Охотничьи» и «Полярные»… Мальчишки тянули к нам руки, предлагая какую-то ерунду и прося взамен те же сигареты.

Проехали Вроцлав, где мне особенно понравились стройные студентки, спешившие ранним утром в университет… Как никогда прежде, захотелось домой.

* * *

Границу СССР миновали ночью. Никаких досмотров. Первый город – Черняховск. Накануне тут встречали кого-то из наших. Нас же – ранним промозглым утром – встретил пустой перрон, редко усыпанный раздавленными цветами, оборванный кумач какого-то лозунга и – тишина… По заслугам…

* * *

В Калининграде нас тормознули где-то на запасных путях, недалеко от товарных составов. Я стоял у платформы с зачехленными гаубицами и разглядывал окрестности: где-то тут рядом живет моя тетка, двоюродные брат и сестра… Ко мне подошел мужик из местных. С изумлением воззрив-

шись на мой малиновый берет, спросил:

- А вы кто?

Я провозгласил с гордостью:

- Десантники мы, из Праги!

И получил:

- Пожарник ты, а не десантник!

Верно! Кто же мы еще?…

* * *

В Литве нас встречали веселее. Еще бы: большинство офицеров и призванные запасники – жители Литвы! Оркестры, детишки с цветочками… Слезы…

Калвария. Марш, строевой плац, трибуна, речи… Сон, как у людей, в постелях…

Все…

* * *

Нет, не все…

Нас отправили на полигон под Ригой: израсходовать снаряды, которые мы получили «на Прагу», но не использовали. Дул сырой балтийский ветер, мел песок с прибрежных дюн… Мы обалдевали от бессмыслицы происходящего… От тоски и смуты на душе я ошибся и рассчитал, вместо цели, данные по НП комбата… Снаряд ударил в двух метрах… Благо, что НП комбат занял в старом окопе. Разъяренный Голощапов примчался на батарею минуты спустя, а у меня уже все было в ажуре: данные исправлены, точки нанесены верно и т.д. У офицера – тоже: перепуганный больше моего, он уже переправил записанное с моих слов. На орудийных прицелах все сбито после выстрела… Что ж – бардак есть бардак…

Малиновые береты, тельняшки и куртки, кстати, у нас тогда же отобрали, объяснив, что выданы они были только «на Прагу».

* * *

Сразу после учений, 18 декабря, меня отпустили в давно объявленный десятидневный отпуск.

Усевшись в такси, по дороге из Внуково я беседовал с попутчицей - ярко раскрашенной дамой в норковой шубе. Больше всего ее волновало, насколько пострадал курорт Карловы Вары после «нашей агрессии»… Я ответил, что там мы не были…

* * *

Говорили в дивизии, что сильно пострадала Братислава – туда вошла

наша Псковская дивизия.[10] Сопротивление словаков было куда более решительным, и десантникам пришлось попотеть.

* * *

После Нового, 69-го, года раздавали в полку награды.

Командиру полка Красному – «Красную Звезду» и звезду на погоны, комбату Голощапову – «За боевые заслуги», старшему офицеру Позябкину – «За боевые заслуги», звезду и должность командира 2-й батареи… Все по справедливости, рассудили десантники.

Из солдат медаль «За боевые заслуги» получил один: во время проезда по центру Праги он высунулся, открыв люк, из самоходки - так ему город понравился - и ему попали в голову цветочным горшком. Остальным же раздали благодарности министра обороны. Бог с ней, со справедливостью, коль живыми вернулись…

* * *

А дивизия наша в Праге потеряла 103 человека. Так, во всяком случае, говорили офицеры полка уже в Калварии. Сколько из них убитыми - не знаю…

* * *

Командир дивизии генерал-майор Горелов стал впоследствии главным военным советником в Афганистане и твердо возражал против введения наших войск. Был снят…

Теперь уже точно все.

Калвария - Москва
1969, 1979 – 1980

ПРИМЕЧАНИЯ

---

[1] Печатается с сокращениями.

[2] Дивизию обычно называли Каунасская – по месту расположения штаба (Здесь и далее – примечания автора).

[3] Генерал армии Маргелов Василий Филиппович (1908 - 1990) служил в Красной армии с 1928 г., участвовал в Финской и Великой Отечественной войнах, Герой Советского Союза (1944 г.), с 1954 по 1959 и с 1961 по 1979 гг. – командующий ВДВ.

[4] Буссоль - прибор типа теодолита, используемый для измерения горизонтальных и вертикальных углов на местности с целью ориентации орудий батареи на местности («привязки к карте»).

[5] Продиктованный штабом полка по рации список целей предназначался только для 1-й батареи, чем и объясняются пропуски в нем. Наименования целей записаны под диктовку. Мосты через Влтаву указаны по присвоенным им номерам, а не по чешским названиям. Высота (Н) цели определена только для случаев перепада высот местности по отношению к батарее. Графы «Прицел» и «Угломер» пусты, поскольку эти данные постоянно, по два – три раза в день, менялись в зависимости от атмосферных условий (сила и направление ветра, влажность, давление и температура воздуха).

[6] На вокзале стоял прибывший из ГДР эшелон с какой-то немецкой частью. Ненависть чехов к немцам была столь сильна после Второй мировой войны, что чехи предъявили ультиматум: если немцы вступят в город – начнется массовое кровопролитие. Поэтому немцы так и простояли все события в районе вокзала.

[7] Гарнитурой связисты называли наушники с микрофоном.

[8] Я пошел в армию, когда был произведен переход с трехгодичного срока службы в сухопутных войсках к двухгодичному. Именно в 1968 г. произошел всплеск, как тогда говорили в нашей дивизии, «ветеранства»: те, кому предстояло дослужить третий год и уволиться вместе с нами, отслужившими только два, конечно, заставляли нас делать за них самую тяжелую работу (укладка парашютов, наряды на кухню и т.д.), но никаких издевательств и тем более битья не было и в помине. И называли друг друга солдаты разных годов службы вполне уважительно: первого – «без вины виноватые», второго – «веселые ребята» и третьего – «у них есть родина» (почему-то по названиям популярных фильмов).

[9] После занятия нами здания штаба 7-й армии ПВО какое-то число служивших в нем чешских офицеров в течение нескольких дней еще оставалось в жилых помещениях при штабе, но потом командование приказало удалить их оттуда. Мне, оказавшемуся в этот момент в штабе дивизиона, пришлось принять участие в этой «операции».

[10] Номеров дивизий мы не знали и называли их по городу, где располагался штаб.